

Дорогой Якоби

Я всегда предполагал, что мои друзья настолько знают мою манеру писать, что, читая анонимные статьи в газетах за подписью "е", которых я вообще не пишу, увидят сразу, что я никогда не мог их написать. Что касается тебя, ты по крайней мере должен-бы знать, что такие выражения, как "сограждане" и т.п. не могли выйти из под моего пера, одним словом, я не имею никакого отношения к этому писанию.

Итак, прежде всего благодарю за присланную пластинку, которую я, поскольку она мне кажется одинаково ценной как в художественном, так и в научном отношении, прежде всего показал всем в здешнем Гуманитарном комитете с устным советом, что если человек не застал кого либо дома и бросит в окно такую визитную карточку, он может с уверенностью рассчитывать на то, что тот, кому предназначался визит, найдет ее в комнате.

Когда недавно в географическом обществе твое паровое колесо в несколько дюймов диаметром при помощи котла в 30 тепловых моторов бегало кругом с умеренной скоростью на удивление публики, Штейнер указал соседу на фигуру твоего брата и сказал ему, что вот это - брат того великого человека; таким образом теперь выяснено вполне определенно, кто из вас обоих - брат. Штейнер говорит, все остается по старому, именно - быть кропателям.

С работой Фарадея дело обстоит плохо. Поскольку я

что либо в этом смысле, впрочем, я и не как следует

^{не} читал, - он делает эксперименты с ^{вещами} ~~вещами~~, которые, по нашим представлениям, не могут привести ни к каким результатам. Вопросы, которые он себе ставит, вовсе не существуют для нашего образа мысли, который я хотел-бы назвать философским, и поэтому в сущности нельзя и судить о подобной работе. Ведь, говоря откровенно, никто из нас не в этом смысле, никто не верит в электрические жидкости, а распределение вокруг полюсов есть нечто такое, к чему трудно подойти математически, как и к кривому направлению. Что в этой работе могут быть и хорошие вещи, этого я не хочу отрицать; что он на своем пути не придет к верным результатам, этого никто утверждать не будет; но для любого из нас этот путь никогда не сможет быть пригодным.

Ты, как мне кажется, придаешь так много значения академикам, что я даже не понимаю тебя в этом отношении. Ты знаешь, что здесь в Берлине никто не ценит этого ни на грош, и что корреспондент иностранной академии здесь значит бесконечно больше, чем *member actual* /действительный член/ здешней. Я никогда об этом не /заботился/ и поэтому мне было приятно, когда после того, как меня постоянно отодвигали в тень, меня здесь хоть раз **выдвинули** вперед. Это единственный, первый раз, а ты знаешь, что это бывает забавно.

Если ты сможешь добыть мне из России средние месячные температуры для отдельных годов, пришли их мне

при случае. Дело в том, что я путем метеорологических исследований проложил себе наконец дорогу к климатологии, придя к тому, с чего те, кто не имеют представления о вопросе, обычно начинают. Я работал чертовски, но еще далеко не закончил, однако наметил и проложил по крайней мере путь, который к чемунибудь да приведет.

Что касается явлений, которые наблюдал П., то они, по моему, находят себе простое объяснение в том, что каждый гальванический ток возбуждает магнетизм в любом сорте железа или стали. Если мы будем /постоянно/ менять токи, то } в интенсивность конечного результата будет + а - а + а - а + а

Я в июне прошлого года сообщил в Отчете здешней Академии об опыте, который сводится совершенно к тому же самому, но в котором замечательно то, что при замыкании цепи получается то-же отклонение, что и при размыкании, а в Отчете за апрель этого года я распространил этот закон на все сорта чугуна. Кроме того я показал уже тогда, что самая твердая сталь ведет себя как мягкая, как никель и как мягкое железо, но только в моих опытах стержень был перпендикулярен т.е. имел наиболее выгодное положение, тогда как у П. положение невыгодное и ток - слабее. Так как вы в Петербурге имеете Отчеты, ты можешь там это увидеть. Но я также не думал, что это представляет что либо существенное новое, а опыты казались сначала очень сложными.

Я писал это письмо, все время /мучаясь/ сильной зубной болью, а потому прошу извинить меня за неразборчивость.

Передай /как обычно/ мой самый сердечный привет г. Ленцу, в похвалах которому сходятся все, кого я знаю. Могу легко представить себе твои труды, но не принимай их слишком близко к сердцу.

Electricität Society в Лондоне - повидимому невообразимая, овладеть которой однако ничего не значит. *Vorselman de Haer* однажды здорово побил Стёрджена.

К сожалению, здесь я должен закончить.

твой Дове,

с неизменным расположением.

Старая песня:

Она была прекрасна, она сейчас прекрасна и такой и останется.

Архив АН, ф. 187, оп. 2, № 198

Адрес: Г-ну профессору Якоби
члену Императорской Петербургской Академии Наук.